

АСПЕКТУАЛЬНЫЕ ФУНКЦИИ ЛАТИНСКИХ ПРЕВЕРБОВ: ПРОБЛЕМЫ ОПИСАНИЯ

Проблема описания латинских глагольных приставок (превербов) — как семантики отдельных превербов, так и системы в целом — издавна привлекала внимание филологов-классиков и лингвистов. Среди ранних работ, в которых так или иначе затрагивается данная тематика, следует назвать, например, [Ernout, Thomas 1953 (1972); Leumann 1975], среди более новых — [García-Hernández 1985, 1989, 1995, 2005; Haverling 2000; Van Laer 2010]; отметим также статью [Vertocci в печати] о редких случаях тмемиса в латинском языке. Разделы, посвященные латинской префиксации, в частности, ее аспектуальным функциям, можно найти в классических грамматиках латинского языка [Hofmann, Szantyr 1965 (1972); Leuman 1977]; подробные сведения о словообразовательной и грамматической семантике превербов содержатся и в полных словарях латинского языка (см., например, [Glare 1982]). Вместе с тем, описание данных латинского языка на типологическом фоне и с учетом современных достижений аспектологической теории по-прежнему остается востребованным; это в особенности касается аспектуального «вклада» превербов, о котором преимущественно и пойдет речь ниже.

Настоящая статья не претендует, разумеется, на исчерпывающее описание этой достаточно сложной области, связанной, с одной стороны, с проблематикой индоевропейской и праиталийской глагольной реконструкции, а, с другой стороны, с изучением эволюции самого латинского языка и ранних романских систем. Мы постараемся лишь очертить основные проблемы, связанные с описанием грамматических особенностей латинской системы превербов (прежде всего, в плане их аспектуальной функции), а также коснемся семантической мотивации множественной глагольной префиксации, причем всюду, где это возможно, мы постараемся рассмотреть эту проблематику в типологическом контексте.

Система латинских превербов

Как многие индоевропейские языки, латинский язык располагает богатым инвентарем глагольных приставок (превербов). Главная отличительная черта данного класса языковых единиц лежит не в формальной плоскости — в большинстве языков функцию превербов выполняют именно аффиксальные морфемы, находящиеся перед корнем — а в области семантики. Превербы — это единицы, модифицирующие, прежде всего, *пространственные* характеристики ситуации. Пространственные значения превербы имеют в сочетании с глаголами движения и позиции (а также с рядом других групп глаголов физической деятельности). Лексическими источниками превербов чаще всего оказываются наречные элементы — они же часто являются лексическими источниками и для пространственных предлогов (или послелогов). В результате общности лексического источника во многих языках превербы и предлоги омонимичны, по крайней мере, их большая часть.

Превербы не обязательно являются приставками, часто они способны менять свое положение относительно корня в зависимости от синтаксической конструкции или вообще не функционировать как приставки. Характерные примеры языков с «неприставочными» превербами — германские, где превербы выступают перед корнем лишь в некоторых синтаксически строго обусловленных случаях (немецкий, идиш, нидерландский), а также, венгерский. В английском языке функцию превербов выполняют пространственные наречия, которые также никогда не занимают позицию перед глаголом. Соответственно, и префиксальные морфемы не обязательно являются превербами. Характерный пример — грузинский язык, где превербом можно назвать лишь один из многих префиксов, другие же префиксы — показатели лица, залога и др. грамматических категорий [Vogt 1971]¹), напр. ‘я это написал’:

- (1) *da- v- c'er- e*
PREV 1SG писать AOR
‘я это написал’

¹ Подробнее о грузинских превербах см. статью А. А. Ростовцева-Попеля в настоящем сборнике.

С формальной точки зрения, латинские превербы всегда выступают перед глаголом и составляют с ним единый морфологический комплекс, о чем свидетельствует, например, наличие изменения корневых гласных глагола и особых морфонологических чередований на границе между превербом и корнем, характерных исключительно для этих единиц (напр., *ab-* ~ *abs* ~ *au-*, *re-* ~ *red-*, *co-* ~ *con-*). Большинство превербов имеют предложные корреляты: таковы *ab-* (движение от ориентира), *de-* (вниз с поверхности), *ex-* (изнутри наружу), *pro-* (вперед), *prae-* (движение или нахождение впереди), *con-* (движение навстречу, совместность), *ante-* (движение впереди / нахождение перед), *ad-* (движение к ориентиру), *circum-* (нахождение / движение вокруг), *inter-* (нахождение / движение между), *ob-* (движение навстречу, вокруг), *post-* (нахождение / движение позади), *praeter-* (мимо), *per-* (через, сквозь), *trans-* (через, сквозь), *in-* (нахождение / движение в), *sub-* (нахождение / движение под; снизу на поверхность), *super-* (над), *supra-* (наверху)², *intro* (внутри). Значение предлогов и превербов в целом соотносимо. Небольшая группа превербов не имеет предложных коррелятов: это *re-* (движение обратно, повторение), *dis-* (движение в противоположные стороны), *amb-* (вокруг); последний преверб, правда, имеет предложные соответствия в других и.-е. языках (напр., греч. ἄμφι), ср. [Тронский 2001: 388–389].

В большинстве случаев латинский глагол способен присоединять лишь один преверб, по крайней мере, если речь идет о превербах с пространственным значением или о значении, напрямую связанным с пространственным. Лишь преверб *re-* в некоторых значениях может последовательно присоединяться к другим префиксальным глаголам, образуя лексемы с рефактивным значени. Небольшие группы префиксальных глаголов присоединяют также дополнительно превербы *dis-*, *con-* и *per-*. Это в корне отличает латинский язык от, например, древнегреческого³, в котором один глагол может иметь до трех пространственных превербов:

² Только 2 глагола — *suprascando* ‘залезть на вершину чего-л.’, *supravivo* ‘выжить’.

³ Подробнее о множественной префиксации в гомеровском греческом см. диссертацию [Imbert 2008].

- (2) πολὺ δ' ὕδωρ καλὸν ὑπ- εκ- πρό- ρεεν
много PART хорошей воды под-из- вперед течь.3SG.IMPF
'[из под скалы] *вытекало* много хорошей воды' (Hom.,
Odyss., VI, 85)

Функции превербов

Латинские превербы являются, в первую очередь, показателями категории *глагольной ориентации*, т. е. выразителями пространственных характеристик именных аргументов глагола в составе глагольной словоформы [Плунгян 2002, 2011: 327–345]. Как было сказано выше, категория глагольной ориентации в наиболее чистом виде характерна для превербов при глаголах движения и позиции. Латинский язык — язык «сателлитного» типа по известной классификации Л. Талми, т. е., глагольный корень в нем обычно передает *способ* движения, в то время как *траектория* и другие пространственные параметры выражаются «сателлитами» корня, в роли которых и выступают превербы [Talmy 1985, 2000]. От одного глагольного корня может образовываться множество префиксальных производных с различными пространственными значениями. См., например, производные от глагола *gradior* 'идти; передвигаться пешком':

- (3) Igitur Calpurnius initio paratis com meatibus acriter Numidiam *ingressus est* (Sall., Bel. Jug., 28) 'И вот Кальпурний, приготовив обозы, быстро *вторгся* в Нумидию'.
(4) ...postquam Roma *egressus est*, fertur (...) dixisse: (...) (Sall., Bel. Jug., 34) 'Передают, что он, *после того, как вышел* из Рима, сказал: (...)'.
(5) ...superiore die murum *aggreditur* (Sall., Bel. Jug., 59) 'На следующий день он *подходит* к стене'.
(6) Exploratis omnibus, quae mox usui fore ducebat, eadem *regreditur* (Sall., Bel. Jug., 93) 'Разведав все, что, как он думал, могло бы вскоре оказаться полезным, он *возвращается* тем же путем'.

В сочетании с основами, не относящимися к классу глаголов движения и позиции, превербы могут иметь самые различные значения, степень связи которых с пространственными может быть весьма различной — от явной семантической производности до достаточно далеких и неочевидных отношений. Тем са-

мым, практически все превербы являются в высокой степени полисемичными, что составляет одну из главных теоретических и практических проблем их описания (подробнее об этом см., например, на русском материале [Кронгауз 1998]). В качестве иллюстрации, представим кратко список основных значений приставки *re-* (подробнее о типологии значений этой группы см. в статье Н. М. Стойновой в настоящем сборнике):

- 1) Движение назад: *recido* ‘отступать’, *regredior* ‘идти назад’.
- 2) Возврат в изначальное состояние: *recipio* ‘получать назад’ (также просто ‘получать’), *recreo* ‘воссоздавать’, *recludo* ‘отпирать’.
- 3) Ответное действие: *recino* ‘петь в ответ, откликаться’, *respondeo* ‘отвечать’, ср. [Бенвенист 1995 (1970): 363–364].
- 4) Повторное действие: *resurgo* ‘вновь вставать; возрождаться’.
- 5) Интенсивное значение (например, с глаголами речи): *recito* ‘читать вслух’, *reclamo* ‘провозглашать’.

Помимо изменения лексического значения глагола и пространственных характеристик, в случаях присоединения преверба к глаголу могут возникать дополнительные эффекты. Прежде всего, может меняться актантная структура ситуации, например, глагол *ridere* ‘смеяться’, в отличие от его приставочного коррелята *deridere* ‘насмеяться (над к.-л.), высмеивать (кого-л.)’, не способен присоединять прямое дополнение.

Наконец, непосредственно интересующий нас случай — перфективация и другие типы семантических изменений, так или иначе связанных с семантической зоной аспекта.

Аспектуальные функции превербов

Говоря об аспектуальных функциях латинских превербов, начнем с наблюдений, представленных в грамматике [Hoffmann, Szantyr 1965]. Авторы, приводя примеры аспектуального употребления приставок, указывают на возможную аналогию между латинским и славянскими языками, а именно между латинскими глаголами с превербами и категорией вида в славянских языках, где префиксация играет ключевую роль. В главе этой грамматики, озаглавленной «Aktionsart», встречается, например, такое замечание:

Оправданность использования заимствованных из славянской грамматики терминов «перфектив» и «имперфектив» применительно к латыни иногда подвергается сомнению — впрочем, не-

справедливо. Не является необходимым лишь более дробное логическое членение внутри каждого из двух видов (*Aktionsart*) — например, подразделение перфективного действия на «пунктивное» (совпадение момента начала и завершения действия в одной точке, напр., *conlego, conticeo*) и «эффективное» (описание окончания действия, напр., *concido*): эти различия обусловлены значением глагольного корня и контекстом. Поскольку формально налицо одно и то же средство, едва ли стоит проводить различие между моментальным (концентрированным) перфективным действием и дуративным (линейным) перфективным действием (*hostem occido*), между концентрацией внимания на окончании действия или на его полном выполнении, напр. *librum perlego* — ‘я читаю книгу полностью, до конца’ [Hofmann, Szantyr 1965: 301] (перевод мой — В. П.).

Главная ценность данного замечания — в самой попытке применить аспектологические универсалии к латинскому языку и в признании аспектуальных функций у превербов. Действительно, латинские превербы способны придавать глаголам все подобные вышеупомянутым оттенки смысла. В то же время, интересующее нас явление рассматривается не полностью, и наблюдается некоторое терминологическое смешение, большей частью преодоленное в современной аспектологии. В частности, термин *Aktionsart* используется авторами, по-видимому, в его характерном для немецкой традиции первоначальном старом значении «глагольный вид»: так, в начале соответствующего раздела говорится о том, что три индоевропейских *Aktionsart*’а — перфективный, имперфективный и перфектный — были вытеснены в латыни категорией времени. С точки зрения современной аспектологии утверждение вряд ли может быть признано удачным, так как противопоставление «перфекта» (семантически — расширенного аориста с перфектными употреблениями; подробнее об этом см. [Плунгян 2011: 391–392] и введение к данному сборнику) и имперфекта в плане прошедшего времени теперь назвали бы именно аспектуальным, а термин *Aktionsart* отнесли бы скорее к словообразовательной семантике глагольных префиксов. Как бы то ни было, в грамматике [Hofmann, Szantyr 1965: 300–305] сформулировано несколько полезных наблюдений, которые могут задать верное направление исследованию:

1) Латинские приставки часто влияют на аспектуальность глагола (в широком понимании).

2) Значения, передаваемые регулярным морфологическим противопоставлением перфекта и имперфекта, и значения приставок зачастую тесно переплетены.

3) Для объяснения фактов латинского языка следует обратиться к другим языкам, где приставкам свойственны сходные функции.

Попытаемся теперь взглянуть на данные латинского языка в свете современной аспектуальной типологии — в частности, последовательно различая аспект и акциональность и используя противопоставление первичного и вторичного аспекта, а также универсальных аспектуальных значений и конкретно-языковых аспектуальных кластеров (см. Плунгян 2011: 377–416). Полезно также иметь в виду введенное Дж. Байби Э. Далем [Dahl 1985; Bybee, Dahl 1989; Bybee et al. 1994] различие двух типов перфективов, связанное с разными источниками грамматикализации. Первый тип (*anterior-based perfective*, который можно условно называть «темпоральным») — это перфектив, выражаемый регулярными морфологическими средствами, например, суффиксами. Сфера его употребления обычно ограничивается прошедшим временем⁴, а его базовое значение — ситуация, ограниченная во времени, без внимания к ее фазам. Глаголы разных акциональных классов могут получать разные интерпретации, будучи употребленными с показателями этой категории, один и тот же глагол может быть интерпретирован по-разному в зависимости от контекста. Кластер ПРОШЕДШЕЕ ВРЕМЯ + ПЕРФЕКТИВ принято называть аористом [Dahl 1985: 81–84; Bybee et al. 1994: 81–86; Плунгян 2011: 390–392]. Эта категория широко распространена в европейских языках (в английском, в романских, в т.ч. в латинском, в древне- и новогреческом, в южнославянских) и обычно противопоставлена категории имперфекта.

Второй тип перфектива было предложено называть *boundary-based perfective* (возможный русский эквивалент этого термина — «сателлитный» перфектив). Это перфектив, основанный на присоединении к глаголам «ограничителей», которые, по сути, аналогичны «сателлитам» в терминологии Талми — то есть, это наречные

⁴ Впрочем, есть и исключения — например, греческий язык (как древне-, так и новогреческий); подробнее о специфике греческой системы см. нашу совместную с Т. А. Архангельским статью в настоящем сборнике [Панов, Архангельский, наст. сб.].

компоненты или превербы, чаще всего с пространственным значением. Набор «ограничителей» достаточно обширен (см. перечисление латинских приставок выше), и выбор в каждом конкретном случае обусловлен семантикой глагола. Добавление ограничителя к глаголу не переводит его автоматически в другую грамматическую категорию, а лишь меняет акциональные характеристики ситуации. В большинстве случаев меняется и лексическое значение глагола. Такой тип перфектива обозначает, в отличие от «темпорального» перфектива, не просто ситуацию, ограниченную во времени, а фокусирует внимание на одной из ее фаз, чаще всего — на финальной, выражая достижение внутреннего предела. Перфективирующие приставки по-разному ведут себя с различными семантическими классами глаголов. При употреблении с глаголами движения к ситуации может добавляться дополнительный ориентир, например, конечная точка движения, превращая таким образом неопредельный процесс (типа *идти*) в предельный (типа *прийти*).

Будучи употребленными не с глаголами движения, превербы (ограничители) часто образуют формы, известные как *способы глагольного действия* (для которых в современной лингвистике в основном и используется термин *Aktionsart*). Способы глагольного действия — это регулярные модели «семантических модификаций глагола, выраженные определенными формальными средствами» [Анна Зализняк, Шмелев 2000]. В русском и других славянских языках, где вид является грамматической категорией, употребление одного из способов действия одновременно меняет и вид глагола с несовершенного на совершенный.

Еще один способ образования перфективных коррелятов от неперфективных глаголов — так называемые «пустые» превербы. Это случаи, когда преверб не добавляет никаких дополнительных оттенков значения глаголу, но меняет его аспектуальные характеристики, в случае славянских языков — переводит глагол из несовершенного в совершенный вид (*писать* > *написать*). Подобное явление, по крайней мере в части случаев, объясняется так называемым эффектом Вея-Схоневельда, суть которого в том, что эффект «пустого» преверба возникает в случае частичного совпадения значения преверба и глагольного корня (ср. Кронгауз 1998: 78–84; Плунгян 2011: 413–414)]; см. также ниже).

Рассмотрим данные латинского языка в свете изложенных теоретических оснований.

Аспектуальная система латинского языка

Латинский язык обладает регулярными морфологическими средствами для выражения аспектуальных категорий. Аспектуальные категории выражаются кумулятивно с категорией времени, иными словами, латинский язык обладает типичными признаками «темпорального» перфектива. Перфективный и имперфективный аспекты противопоставлены в плане прошедшего времени, будучи выраженными одновременно с помощью изменений в основе и набора окончаний. Отдельного показателя универсального значения перфекта в латинском языке нет, хотя часть глагольных основ общего перфективного прошедшего времени этимологически восходит к праиндоевропейским основам перфекта, а часть — к основам аориста. Флексии латинского *perfectum*⁵ восходят только к праязыковым перфектным флексиям [Эрну 2004: 250–254]). Имперфектив прошедшего времени — это латинский *imperfectum*, перфектив прошедшего времени — латинский *perfectum*. Латинский *perfectum* совмещает две универсальные аспектуальные граммы — аориста и перфекта, что связано с его происхождением (в терминологии, предложенной в [Плунгян 2011: 391–392], это так называемый «расширенный перфект»). Основа *perfectum* может использоваться и в других грамматических формах (конъюнктиве, инфинитиве), выражая, главным образом, грамму предшествования категории таксиса. Значения *imperfectum* и *perfectum* в целом вполне соответствуют стандартному набору значений, характерному для имперфективных и перфективных кластеров в других языках. Так, *perfectum* может сочетаться с предикатами любых акциональных классов (состояниями, предельными процессами, событиями), во всех случаях представляя ситуацию как ограниченную во времени:

- (7) *quod ego, ut debui, sine mora feci* (Cic., *Litt. ad Brut.*, I, 18)
'Я, как и *должен был*, без промедления *сделал* это'.

В этом примере не только предельный глагол *facere*, но и глагол состояния *debere* употреблены в форме *perfectum*: в по-

⁵ В этой статье мы используем русские слова «перфект» и «имперфект» для обозначения универсальных грамматических значений, а также праязыковых категорий. Латинские термины *perfectum* и *imperfectum* используются исключительно для наименования соответствующих форм латинского языка.

следнем случае перфективность сигнализирует, что ситуация долженствования полностью осталась в прошлом и завершилась «внутри» окна наблюдения.

Форма *imperfectum* также сочетается со всеми акциональными классами. При обозначении состояний, а также неопределенных и предельных процессов она передает значение длительности действия, т. е., окно наблюдения целиком помещается внутри ситуации. С событийными глаголами значение *imperfectum*, как правило, хабитуальное (то есть, это употребление отражает скорее вторичный аспект в терминах [Плунгян 2011: 395–402]; см. также предисловие к сборнику). Одна из важных прагматических функций имперфекта в тексте — обозначение фонового действия при главном действии, выраженном формами *perfectum*:

- (8) *Samia mihi mater fuit; ea habitabat Rhodi* [Ter. *Eu.* 107, цит. по Pinkster 1990] ‘Мать моя была Самия, она [в то время] жила на Родосе’.

Способы глагольного действия в латинском языке

Как уже было упомянуто вначале, в подавляющем большинстве случаев латинский глагол может иметь только одну приставку. Превербов, способных сочетаться с другими, немного. Один из них — преверб *re-*. В случае комбинации из двух превербов *re-* может занимать как первую, так и вторую позицию в словоформе. Эти случаи ясно различаются семантически. Если преверб *re-* оказывается на первом месте, после него, как правило, следует глагол с превербом *con-*, и значение производного глагола — возврат в исходное состояние после отмененного действия или однократное повторение ситуации (рефактив). Таким образом, перед нами один из образующихся префиксально способов глагольного действия. Перечислим все глаголы с двумя приставками, которые, по нашему мнению, можно отнести к этому способу действия, из словаря [Дворецкий 2005]: *recognosco* ‘вновь узнавать, опознавать’, *recolligo* ‘вновь собирать’, *recolloco* ‘вновь укладывать’, *recommentor* ‘вспоминать’, *recomminiscor* ‘припоминать’, *recommoneo* ‘вновь напоминать, вновь увещевать’, *recompingo* ‘воссоединять’, *recompono* ‘восстанавливать’, *reconcilio (reconciliasso)* ‘восстанавливать, исправлять’, *reconcinno* ‘исправлять, чинить’, *reconcludo* ‘запирать, заключать’, *reconduco* ‘вести

обратно' *reconflo* 'вновь раздувать' *reconsigno* 'вновь отвечать', *reconstruo* 'отстраивать заново', *reconvinco* 'переубеждать'.

Такое же значение преверб *re-* имеет и с многими глаголами, где других превербов нет, например *recoquo* 'заново сварить'; подобные рефактивные образования наиболее обычны и характерны для многих языков.

Преверб *re-* может стоять и на втором месте в комбинации из двух превербов. Интересно, что тогда первым выступает все тот же преверб *con-*. В этом случае функция *con-* оказывается либо чисто аспектуальной, перфективирующей (см. ниже), либо обозначает совместность (комитативный способ действия), в то время как функция *re-* остается связанной с рефактивностью или директивностью. Такие примеры характерны лишь для христианской, поздней латыни: *correquiesco* 'упокоиться', *corresupinatus* 'откинутый назад', *corresuscito* 'вместе вновь пробуждать, воскрешать'.

Еще один преверб, достаточно регулярно сочетающийся с другими и выступающий также на первом месте — *dis-*. В такой позиции *dis-* также встречается лишь в некоторых из своих значений: во-первых, в значении «отрицательного свойства», отсутствия свойства (негатива): *disconduco* 'не содействовать, вредить', *disconvenio* 'не согласовываться, не соответствовать', *discredo* 'не доверять', *discordo* 'быть в несогласии', а также в перфективирующей функции для ряда глаголов; в этом случае имеет место, видимо, также и эффект Вея-Схоневельда (см. ниже): *discooperio* 'открывать, обнажать', *disperdo* 'уничтожать полностью', *dispereo* 'погибать' (возможна вторичная связь в результате народной этимологии с *pario* 'рождаться', таким образом, приставка имеет значение отмененного действия, ср. пословицу: *male partum male disperit* 'Плохо рожденное плохо кончает').

В обеих функциях *dis-* очень часто встречается и в качестве одиночного преверба, особенно часто — в негативном значении или в значении отмененного действия. Мы вправе считать это употребление одним из способов глагольного действия. Наконец, еще одно значение *dis-*, близкое к предыдущему, но не встречающееся в образованиях с двумя превербами — реверсивное (возврат в исходное состояние, «отмена» результата действия): *discingo* 'распоясывать' VS *recingo* (см. выше).

Латинская ситуация отчасти напоминает ситуацию «внутренних» и «внешних» превербов в русском языке [Татевосов

2009], когда преверб, обозначающий «способ действия», способен присоединяться к любому глаголу, в том числе и к глаголу, уже имеющему преверб.

Еще один распространенный способ действия в латинском языке — комитативный, образующийся с помощью приставки *con-*, у которой отсутствуют настоящие пространственные значения. Глаголов комитативного способа действия очень много, например, *congregere* ‘собирать’, *congerere* ‘собирать’, *conglutinare* ‘склеивать’, хотя их и не большинство. С большей частью глаголов преверб *con-*, передает способы действия, тесно связанные с категорией аспекта.

Способы действия с аспектуальными значениями

Грамматической категории вида, тесно переплетающейся с категорией способа действия, в латинском языке нет [Сафаревич 1962]. Отличие латинской системы от русской (и других славянских) состоит прежде всего в том, что и способы действия, и перфективы, образованные с помощью эффекта Вея-Схоневельда, не являются обязательной принадлежностью каждого глагола. Говоря о способах действия с ярко аспектуальными коннотациями, можно упомянуть как минимум два.

Первый из можно назвать *пердуративом* по аналогии с термином славянской аспектологической традиции. Пердуратив в русском языке образуется с помощью преверба *про-*. В латинском языке пердуратив образуется с помощью преверба *per-*, ср. (9):

- (9) *pervigilat noctes totas* (Pl., Aul., 72) ‘Бодрствует все ночи напролет’

Значение ‘выполнение действия полностью’ имеет производное значение, преобладающее у многих глаголов — тщательное выполнение действия:

- (10) *ut matronarum hic facta pernovit probe* (Pl., Aul., 505) ‘Чтобы он как следует *разузнал* все о поступках матрон’.

Значение «тщательности» может интерпретироваться и просто как интенсивность действия:

- (11) *ita mihi pectus peracuit* (Pl., Aul., 468), букв: ‘У меня грудь *совсем прокисла*’ (испортилось настроение)

Со многими глаголами, в частности, с глаголами движения, важным оказывается именно достижение ситуацией предела:

- (12) *pervenerunt ad hanc civitatem.* (Hist. Apoll., 29) ‘Они *прибыли* в этот город’

Будучи показателем глагольного действия, *per-* иногда способно присоединяться к другим приставочным глаголам, правда, такие примеры характерны практически исключительно для христианской латыни:

- (13) *irent in terram Chanaan cumque venissent in eam pertransivit Abram terram usque ad locum Sychem* (Vulg., Genesis, 12, 5–6) ‘И вышли, чтобы идти в землю Ханаанскую; и пришли в землю Ханаанскую. И *прошел* Авраам по земле сей до места Сихема’ (синодальный перевод).

Инхоатив как особый способ действия образуется в латинском языке от глаголов состояния с помощью приставки *con-*. Он также часто сопровождается суффиксом *-sc-*, значение которого само по себе достаточно трудно определимо и размыто. Этимологии и семантике этого суффикса посвящена обширная литература — укажем последнее по времени обстоятельное исследование [Haverling 2000], где исследована сочетаемость этого суффикса с разными классами префиксальных глаголов и дан информативный обзор имеющихся работ по этому вопросу. Существенно также, что в ряде случаев нельзя определить, имеет ли глагол только преверб или же и преверб, и суффикс, так как в форме *perfectum* данный суффикс вообще не встречается⁶. Часто глаголы без суффикса и с суффиксом в настоящем времени оказываются синонимичными друг другу, напр. глаголы *conticeo* и *conticesco*, ‘утихнуть, замолчать’, в форме *perfectum* выглядящие одинаково: *conticui*.

- (14) *tibicen repente conticuit* (Cic., Harusp., 11) ‘Флейтист сразу же *затих*’.

Вообще, употребление глаголов этого класса с наречиями «быстро», «внезапно» является крайне характерной чертой. Ср. предыдущий пример со строками из «Метаморфоз»:

⁶ Сходные ограничения характерны и для аналогичного суффикса в других и.-е. языках, напр., для древнегреческого суффикса *-σκ(ω)-* и др.-инд. *-scha*.

- (15) *altera solari miseram conata parentem conticuit subito* (Ovid., *Metamprph.*, 6, 292) ‘А другая, пытаясь утешить несчастную мать, *вдруг умолкла*’

В славянских языках, в том числе и в русском, способы глагольного действия, например, начинательный, автоматически переводит глагол в совершенный вид, причем в некоторых случаях образуется видовая пара. Поскольку вида «славянского типа» в латинском языке нет, отсутствует и проблема соотношения вида со способами действия. Однако не все способы действия одинаково продуктивно сочетаются со всеми глаголами состояния. Так, в частности, глаголы ‘нравиться’ и ‘любить’ в латыни образуют дериваты с инхоативной семантикой с помощью разных превербов. Глагол *placeo* ‘нравиться’ образует стандартный инхоативный способ действия с приставкой *con-*:

- (16) *Hocine tibi complacuit?* (Apul., *Metam.*, 5, 9) ‘Тебе разве понравилось это?’

Глагол *amare* образует форму с похожим значением с помощью преверба *ad-*:

- (17) *is cum unam virginem nobilem ipse mediocriter ortus adamasset eiusque nuptias desperaret* (Serv., *Aeneid.* 4.99) ‘Он, *хотя и полюбил* одну знатную девушку, будучи незнатным сам, не надеялся на женитьбу’.

Глаголов с инхоативным значением, образованных с помощью *con-*, гораздо больше, чем образованных с помощью *ad-*. Кроме того, стоит обратить внимание на кажущееся достаточно системным противопоставление инхоативных глаголов с *con-* глаголам с приставкой *re-*, значение которой в данном случае не совсем ясно. Часто глаголы с *re-* употребляются с прямым дополнением (*reticere* в значении ‘умалчивать о чем-л.’). В некоторых других случаях употреблений со стативами и неопредельными процессами можно заподозрить делимитативное значение (в этом случае полисемия оказывается аналогичной полисемии венгерского преверба *le-*, ср. [Аркадьев 2007]). Примером такого противопоставления может служить пара *conquiesco* VS *requiesco*, ср. *hic requiescit...* (в надгробных надписях) ‘здесь покоится’. Бесприставочный глагол *quiescere* ‘отдыхать, покоиться’ также вполне

употребителен как в делимитативном, так и в инхоативном значении, ср., например, пары *ager multos annos quievit* (Cic., Brut., 16) ‘Поле много лет *отдыхало*’ и *quiescebant voces* (Ovid., Trist., 1, 3, 32) ‘Начали стихать голоса’. Во втором примере, возможно, вклад в появление инхоативного значения вносит и форма имперфекта (ср. близкое значение у латинского *imperfectum de conatu*). Со всем необычной в этом смысле кажется форма *correquiescere*, синонимичная *conquiescere*. Другие пары такого типа — *consto* ‘останавливаться’ VS *resto* ‘оставаться, пребывать в к.-л. состоянии’, *consido* ‘садиться’ VS *resido* ‘находиться’, *contineo* ‘содержать, удерживать’ VS *retineo* ‘удерживать, задерживать’.

Инхоативные формы, образованные при помощи приставки *con-*, по определению являются обозначениями событий, а не процессов, и, соответственно, не способны сочетаться ни с какими показателями длительности, если только они не получают хабитуальную интерпретацию. Видимо, подобное свойство приставки *con-* распространилось с глаголов состояния и на глаголы прочих акциональных классов, став, таким образом, достаточно универсальным показателем префиксального перфектива в широком смысле наряду с приставкой *per-*.

- (18) *nos nostras aedis postulas comburere?* (Pl., Aul., 361) ‘Требуешь, чтобы мы сами сожгли свой дом?’
- (19) *tantum auri perdidit, quod concustodivi sedulo* (Pl., Aul., 723) ‘Я так много золота потерял, что *сохранял* усердно’

Пары ‘глагол без преверба VS глагол с превербом *con-*’ являются наиболее чистыми случаями в латинском языке, где единственное значение, вносимое превербом — аспектуальное, т. е. перфективирующее. Такова, например, пара *damnare* VS *condemnare* ‘проклинать / проклясть’.

Интересно, что при наличии специфических лексических коннотаций у глагола с приставкой *con-*, отрицанием результата этого действия является реверсивный одноприставочный глагол с приставкой *re-*, два преверба не способны сочетаться друг с другом в таких значениях. Например, *consigno* ‘ставить печать’ VS *resigno* ‘снимать печать’ (не **re-con-signo*), *conscribo* ‘вносить в список’ VS *rescribo* ‘удалять из списка, запрещать’ (не **re-con-scribo*)

Приставки *con-* и *per-* в своих последних значениях, а именно достижение процессом предела или подчеркивания одно-

кратности глагола-события, примыкают к аспектуальным значениям прочих приставок, получаемым в результате действия т.н. эффекта Вея-Схоневельда.

Перфективация через эффект Вея-Схоневельда

Аспектуальные функции превербов не ограничиваются областью «способов действия». Важное для латинского языка явление — наличие префиксальных коррелятов от предельных глаголов, которые, по сути, никак не меняют значение самого глагола, но переносят в «окно наблюдения» конечную стадию ситуации, момент достижения предела предельным процессом. В такой функции могут быть использованы практически все превербы, по крайней мере, их большая часть. Рассмотрим некоторые примеры:

- (20) *Is habuit unam filiam, virginem speciosissimam, in qua nihil rerum natura ex-erraverat* (Hist. Apoll., 1) ‘У него была одна дочь, прекрасная девушка, в ней природа ни в чем не *ошиблась*’

Значения глаголов *errare* и *exerrare* оказываются идентичными, согласно, например, словарям Дворецкого [Дворецкий 2005: 288, 301], а также Оксфордскому латинскому словарю — ‘сбиваться с пути, заблуждаться, ошибаться’ [Glare, 1988: 618, 641]. Бросается, однако, в глаза тот факт, что в словаре Дворецкого бесприставочный глагол переведен русским глаголом несовершенного вида, приставочный же — глаголом совершенного вида. Подобная аналогия кажется странной, поскольку латинский язык не знает грамматической категории вида славянского типа. И все же эта аналогия не случайна. Глагол *errare* в значении ‘ошибаться’ (в отличие о пространственного значения ‘блуждать’) является, видимо, предельным глаголом — ошибку можно начать и довести до конца. Преверб *ex-*, добавляемый к глаголу, подчеркивает достижение этого предела. Тот же самый глагол может быть употреблен в абсолютно таком же контексте и без преверба, напр. *vehementer erras* (Cic., Sull., 3) ‘ты чудовищно ошибаешься’, *vehementer errasti* (Cic., Murg., 22) ‘ты чудовищно ошибся’.

Подобным образом могут вести себя и другие превербы, например, преверб *de-*, в сочетании с глаголом *relinquo* ‘оставлять, бросать’, уже содержащим преверб *re-*, значение которого, впрочем, с трудом определимо (бесприставочный глагол *linquo* встречается гораздо реже приставочного *relinquo*), ср.:

- (21) *Is Adherbalem et Hiempsalem ex sese genuit Iugurthamque filium Mastanabalis fratris, quem Masinissa, quod ortus ex concubina erat, privatum dereliquerat, eodem cultu quo liberos suos domi habuit. (Sall., Bel. Jug., 5) 'Он родил Адербала и Гиемпсала, а Югурту, сына брата Мастанабала, которого бросил Масинисса, поскольку тот был рожден от наложницы, он воспитывал у себя дома наравне со своими детьми'*

Употребление *разных* приставок с одним и тем же семантическим эффектом — переключением внимания на достижение ситуацией предела — можно объяснить с помощью т.н. эффекта Вея-Схоневельда (на него обратили внимание два слависта независимо друг от друга, см. [Vey 1951; Schooneveld 1958]; подробнее см. также [Кронгауз 1998]). Первоначально идея была высказана применительно к славянским аспектуальным системам, точнее, к чешской и к русской, и была призвана объяснить феномен так называемых «пустых» приставок — приставок, не меняющих лексическое значение глагола, но меняющих вид глагола с несовершенного на совершенный. Эффект «пустой» приставки объясняется тем, что «при определенной комбинации значения приставки со значением исходного глагола может оказаться, что значение приставки дублирует некоторый семантический компонент, уже присутствующий в глаголе; тем самым семантический вклад приставки сводится к привносимому ею значению совершенного вида» [Анна Зализняк, Шмелев 2000]. Этим семантическим компонентом может быть и пространственное значение — тогда речь идет, в первую очередь, о перфективации глаголов движения — или любое другое значение приставки, возможно, и не связанное очевидным образом с пространственным. Кроме того, если в случае славянских языков речь идет именно о смене граммы совершенного вида на грамму несовершенного вида, то в случае латинского языка приходится говорить о немного другом явлении.

Здесь важным оказывается то, что вид следует понимать не только как возможную грамматическую категорию некоторых конкретных языков (которая может как присутствовать, так и отсутствовать), но и как универсальную понятийную категорию, которая может быть в большей или меньшей степени грамматализована. Но если в романских языках грамматализовано аспектуальное противопоставление «темпорального» типа, то в

восточно- и западнославянских языках грамматикализации подверглось «сателлитное» аспектуальное противопоставление, а праславянское противопоставление форм аориста, имперфекта и перфекта в плане прошедшего времени исчезло. Префиксальные формы латинских глаголов — самое начало пути грамматикализации аспекта того же типа, что мы находим и в славянских языках в завершённом виде.

Эффект Вея-Схоневельда широко распространён в латинском языке. В статье [Ровинская 2001] констатируется его существование в латинском языке и разбираются примеры с превербом *ob-*; количество таких примеров можно существенно увеличить (ср. в том числе и приведенные выше противопоставления).

В разных случаях эффект Вея-Схоневельда может быть наблюдаем в большей или меньшей степени. В некоторых случаях он очень хорошо виден:

- (22) *abi intro, oc-clude ianuam* (Pl., Aul., 89) ‘Зайди внутрь, закрой дверь’

При закрывании дверь смыкается с косяком, т. е., происходит в некотором смысле движение одного предмета навстречу другому, что совпадает с главным значением приставки *ob-*. Эффект Вея-Схоневельда в высокой степени характерен для преверба *ad-* при употреблении с предельными глаголами движения, т. к. значение *ad-* ‘контакт с поверхностью’ совпадает с ситуацией достижения субъектом цели движения, конечного ориентира: *Interpositis autem diebus atque mensibus, cum haberet puella mense iam sexto ventriculum deformatum, advenit eius sponsus rex Apollonius.* (Hist. Apoll., 24) ‘По прошествии дней и месяцев, когда девушка была уже на шестом месяце беременности, *приехал* ее супруг царь Аполлоний’

В том же контексте может быть употреблен и бесприставочный глагол:

- (23) *Et constituit in loco suo regem Athenagoram generum suum, et cum eodem et filia et coniuge et cum exercitu navigans Tharsum civitatem venit.* (Hist. Apoll.) ‘На своей должности он оставил своего зятя царя Афинагора, и с ним же, со своей дочерью, с супругой и с войском по морю прибыл в город Тарс’.

Объяснение подобной синонимии может быть связано с тем, что префиксальный перфектив в латинском языке недостаточно грамматикализован. Приставочный глагол лишь подчеркивает достижение ситуацией предела, но бесприставочный глагол, будучи употребленным в прошедшем перфективном времени (аористе, т. е. латинской форме *perfectum*), все равно получает интерпретацию ситуации, достигнувшей предела. Это сближает латинский язык, например, с литовским, где аспектуальные функции приставок грамматикализованы в большей степени, чем в латыни, но грамматической категории вида, основанной только на противопоставлении префиксальных и беспрефиксальных глаголов, все же нет. В литовском в прошедшем (не хабитуальном) времени также возможна синонимия префиксальных и беспрефиксальных глаголов:

- (24) *Mirè legendinès grupès «Vairas» vokalistas* ‘Умер вокалист легендарной группы «Вайрас»’.
- (25) *Seniausią pasaulio avis nu-mirė* ‘Самая старая в мире овца умерла (prev.)’.

В некоторых случаях, впрочем, действие эффекта Вея-Схоневельда не представляется очевидным, хотя интерпретация значения приставки как интенсификатора действия или перфективатора кажется наиболее вероятной. См., например, случаи употребления приставки *pro-* ‘вперед’ с некоторыми глаголами:

- (26) *Liberis pro-creandis... volo te uxorem domum ducere* (Pl., Aul., 150) ‘Ради детей, которые должны родиться на свет, я хочу тебя ввести к себе в дом супругой’.
- (27) *aquam hercle plorat, cum lavat, pro-fundere* (Pl., Aul., 308) ‘Когда он моется, клянусь Гераклом, плачет, что вода проливается’.

С приставкой *de-*:

- (28) *ubi tu es, quae de-blateravisti iam vicinis omnibus, meae me filiae daturum dotem?* (Pl., Aul., 268) ‘Где ты, которая всем соседям разболтала, что я собираюсь дать своей дочери приданое?’

Эффект Вея-Схоневельда, возможно, заключается в представлении процесса «выбалтывания» как оставления некоторой информации «вне» контроля ее носителя, что, в принципе, отвечает пространственному значению приставки *de-* ‘вниз с поверх-

ности объекта', 'отделение'. Впрочем, это значение здесь выделимо с трудом. Преверб *de-* способен выступать в подобной «усиливающей», функции с очень большим количеством глаголов, во многих случаях подобная «интенсификация» имеет и аспектуальные, перфективирующие эффекты, например:

- (29) *egomet me defraudavi animumque meum geniumque meum* (Pl., Aul., 725) 'Я и сам себя обманул, и свой ум, и свой гений'.
(30) *luci claro deripiamus aurum matronis palam* (Pl., Aul., 748) 'Когда будет светло, мы схватим золото в присутствии хозяйки'.

Приставка *in-*:

- (31) *iam ego illuc praecurram atque inscendam aliquam in arborem indeque observabo, aurum ubi abstrudat senex* (Pl., Aul., 678) 'Побегу-ка я туда и *влезу* на какое-нибудь дерево, откуда буду наблюдать, куда старик прячет золото'.

Приставка *inter-*:

- (32) *ibo intro atque illi socienno tuo iam interstringam gulam* (Pl., Aul., 659) 'Пойду внутрь и дружка твоего *придушу* (букв. *пережму горло*)'

Можно предположить, что эффект Вея-Схоневельда, играя большую роль на начальной стадии грамматикализации аспектуального значения приставки, постепенно перестает быть сколь угодно значимым при расширении сочетаемости преверба с глаголами различной семантики. Это подтверждается и данными типологии: подобный путь проходят многие системы с грамматикализированным сателлитным перфективом, в том числе, например, и русская (ср. все более широкое использование русских приставок *про-* и *по-* для образования глаголов совершенного вида и другие процессы этого типа [Клобуков, Рыжих 1998]).

Перфективное значение, как уже было сказано, не является единственным продуктом действия эффекта Вея-Схоневельда, а возможно, не является и первичным. Два возможных аспектуальных эффекта — указание на совершение действия полностью (пертранзитив) и на интенсивность совершения действия. См., например, такую пару глаголов, как *e-bibere* и *inter-bibere*. Второй, скорее, следует интерпретировать как пертранзитив без каких-либо иных аспектуальных коннотаций:

- (33) *interbibere sola, si vino scatat, Corinthiensem fontem Pirenam potest* (Pl. Aul. 558) 'Она сможет одна выпить целиком источник Пирену, если из него польется вино'.

Впрочем, и природа употребления именно этой приставки не совсем ясна, тем более, что это единственное употребление данного глагола в латинской литературе (такой же редкой формой является и *exerrare*). Эффект Вея-Схоневельда в данном случае едва ли просматривается. В то же время, приставка *ex-* в общем и целом повторяет пространственную ситуацию «выпивания» — жидкость выходит «наружу» из сосуда, где она находилась ранее:

- (34) *Factum est illud, ut ego illíc vini hirneam ebiberim meri* (Pl., Amph., 432) 'Вышло так, что я *выпил* кувшин чистого вина'.

Подобное употребление глагола «пить» с приставкой, обозначающей «движение наружу», характерно для многих языков, ср. рус. *вы-нуть*, лит. *iš-gerti*, нем. *aus-trinken*.

Важную теоретическую и практическую проблему представляет определение семантики тех или иных префиксальных глаголов как «перфективных». Как уже было указано, грамматическая категория аспекта в латинском языке представлена в виде аспектуально-временных кластеров в плане прошедшего времени (*perfectum* vs. *imperfectum*). Имеет ли смысл объединять префиксальные образования, где наблюдается та или иная аспектуальная интерпретация преверба, в отдельную категорию «префиксального перфектива» [Аркадьев 2007]? Действительно, хотя латинские превербы и имеют часто ярко выраженные аспектуальные значения, эти значения все же оказываются различными в зависимости от акционального класса и лексической группы глагола, а разные приставки обладают разной степенью продуктивности в образовании аспектуальных дериватов. Мы выделили два основных класса таких глаголов:

1) «Способы действия» обладают определенными формальными особенностями (способностью к множественной префиксации), а значения производных глаголов диктуются именно употреблением того или иного преверба — в случае преверба *con-* мы имеем дело с инхоативом (для глаголов состояния), с комплетивом (для событийных глаголов), в случае преверба *per-* практически любой глагол (кроме событийного) способен к образованию пердуратива, который в некоторых случаях может быть интерпретирован и как комплетив.

2) Глаголы, образованные на основе эффекта Вея-Схоневельда, используют разные приставки (в зависимости от значения глагола и преверба) и обозначают достижение ситуацией предела (комплетив).

Эти два класса совершенно четко объединяются в одну категорию в славянских языках, образуя глаголы совершенного вида. В этих языках, в особенности в восточно- и западнославянских, любой глагол, полученный путем префиксации, является перфективным. Стройность системы обеспечивается, во-первых, наличием регулярных средств вторичной имперфективации, а во-вторых, независимостью грамматической категории вида от наличия в глагольной форме преверба — многие глаголы без преверба могут быть глаголами совершенного вида. Поскольку вид в этих языках — грамматическая категория, любой глагол должен принадлежать к одному из двух видов.

Случай восточно- и западнославянских языков, однако, представляется достаточно радикальным и является результатом очень далеко зашедшей грамматикализации аспектуальных значений, основанных на «сателлитах», и конкретная функция, которую несет преверб, оказывается неважной для грамматики.

В других языках, в частности, в южнославянских, в особенности, в болгарском, категория префиксального вида сосуществует с «темпоральным» видом в плане прошедшего времени, ср. [Маслов 1963]. Сходная ситуация характерна для грузинского языка (см. подробнее статью А. А. Ростовцева-Попеля в настоящем сборнике, ср. также [Vogt 1971]). Так, приставочные глаголы, по формальным характеристикам напоминающие славянские глаголы совершенного вида, имеют тенденцию сочетаться только с аористом, глаголы же без превербов сочетаются в основном с имперфектом. При сочетании глагола совершенного вида с имперфектом глагольная форма получает хабитуальную интерпретацию, а при сочетании глагола несовершенного вида с аористом — делимитативную. Как и в славянских языках, приставочные глаголы в форме настоящего времени переносят ситуацию в будущее. Похожий эффект характерен для немецкого языка — многие приставочные глаголы в форме настоящего времени получают значение будущего.

Сходные ограничения характерны и для латинского языка, но они в разной степени свойственны разным глаголам. Корпусные

данные показывают, что префиксальные глаголы практически не употребляются в настоящем времени, а если и употребляются, то получают хабикулярную интерпретацию или же имеют значение *praesens historicum*. То же относится и к их употреблению в имперфекте (из недавних специальных исследований на эту тему см. в особенности [Haug 2005]). Так ведет себя, например, уже упоминавшийся глагол *ebibere* ‘выпивать’ (хабикулярное значение):

- (35) *Utque fretum recipit de tota flumina terra nec satiatur aquis peregrinosque ebibit amnes...* (Ovid., *Metam.*, 8, 839) ‘Как море вбирает в себя потоки со всей земли, но не насыщается водой и *впитывает* далекие реки.

Лишь очень немногочисленные примеры допускают интерпретацию *ebibere* в значении прогрессива, ср.:

- (36) *mittite istanc foras, quae mihi misero amanti ebibit sanguinem* (Pl., *Curcul.*, 151) ‘Прогоните ее прочь, ту, что у меня, несчастного влюбленного, *выпивает* кровь’.

Впрочем, даже и в этом случае можно предположить как прогрессивное значение (‘пьет кровь в данный момент’), так и хабикулярное (‘постоянно пьет’); не исключено и проспективное значение ‘вот-вот выпьет всю кровь’, которое в процессе грамматикализации может эволюционировать в будущее время.

Ситуация, когда приставочный глагол оказывается в форме настоящего времени, является проблемной, и языки склонны решать ее по-разному. Восточно- и западнославянские языки обладают развитыми средствами вторичной имперфективации, и русский язык выбирает, как правило, именно этот путь. Так, фраза «Он *записал* фильм на диск и *выключил* компьютер» при переводе в *praesens historicum* будет выглядеть скорее «Он *записывает* фильм на диск и *выключает* компьютер». Таким образом русский язык избегает перевода значения глагола в план будущего времени. Языки, где вторичная имперфективация менее развита (литовский) или в принципе отсутствует (грузинский), предпочитают избавляться от преверба, пусть даже в ущерб специфике лексического значения, им вносимого. В литовском иногда возможно использование префиксального глагола в настоящем времени (в хабикулярном значении):

- (37) *Aš kartais iš-geriu* ‘Я иногда *выпиваю*’

Кажется, что такая возможность связана с наличием в литовском языке особого регулярного суффиксального показателя будущего времени (-s'-), не зависящего от аспектуальных характеристик глагола.

Латинский глагол не имеет развитых способов вторичной имперфективации (кроме итеративного суффикса *-ita-*, который не демонстрирует высокой степени продуктивности), поэтому он широко использует оба способа, характерные для литовского языка. См., например, пару примеров с глаголом *scando* 'подниматься, взбираться'. В будущем времени глагол получает приставку:

(38) = (31) iam ego illuc praecurram atque *inscendam* aliquam in arborem indeque observabo, aurum ubi abstrudat senex (Pl., Aul., 678) 'Побегу-ка я туда и *влезу* на какое-нибудь дерево, откуда буду наблюдать, куда старик прячет золото',

в настоящем же историческом употребляется бесприставочный глагол:

(39) Ad nidum *scandit* volucris (Phaedr., Fab., 2, 4) 'птица стремительно *поднимается* к гнезду'.

В хабитуальном настоящем может быть употреблен, однако, и префиксальный глагол с ярко выраженной перфективной интерпретацией:

(40) qui multa simul incipit neque *perficit*, is festinat (Gell., noct. Att., 12, 14) 'Кто одновременно начинает много дел и *не доводит их до конца*, тот спешит'.

Интересный случай зафиксирован у Плавта — в приказе совершить действие (в императиве) использован приставочный глагол с ярко выраженным перфективным значением, а в ответе на приказ — тот же самый глагол без приставки:

(41) Chrys. *Rogas? Con-gredere*. Nic. *Gradiator*. (Pl. Bac., 980) 'Спрашиваешь? Подойди! — Иду'.

Выводы

В латинском языке сочетаются два типа показателей аспекта. Первый тип в высокой степени грамматикализован, и две аспектуальные граммемы — перфектив и имперфектив — противо-

поставлены друг другу в плане прошедшего времени. Перфективные формы в этой категории — это т. н. темпоральный (*anterior-based*) перфектив со всеми вытекающими из этого последствиями, такими, например, как сочетаемость перфектива с глаголами состояния в значении делимитатива.

Другой класс аспектуальных показателей связан с особым развитием значений превербов. Два преверба (*con-* и *per-*) образуют способы глагольного действия (инхоатив и пердуратив), при этом оба они могут быть интерпретированы как комплетивные в определенных контекстах. Остальные превербы также способны образовывать от глаголов формы со значением комплетива, и во многих из них (хотя и не во всех) легко обнаруживается действие эффекта Вея-Схоневельда. Два названных класса форм близки друг другу, в частности, по сочетаемости с видо-временными показателями первого типа (морфологически регулярными), поэтому имеет смысл объединить их под одним ярлыком «префиксальный перфектив». Данная категория в истории латинского языка никогда не достигла полной грамматичности, однако ее грамматикализация зашла достаточно далеко, особенно в поздней латыни. Романские языки, напротив, полностью утратили этот вид аспектуальных значений вместе с развитой системой латинских превербов (хотя в некоторых других, не аспектуальных, значениях отдельные латинские превербы получили в романских языках даже большую продуктивность). Типологически степень грамматикализации аспектуальных значений превербов в латыни несколько выше, чем в германских языках, и несколько ниже, чем, например, в литовском, грузинском и тем более в славянских языках. Следует отметить, что, тем самым, развитие префиксального перфектива не может считаться лишь ареальным феноменом Восточной Европы и Кавказа: как показывают приведенные данные, оно выступает в качестве достаточно частой модели эволюции языковых систем с развитой глагольной префиксацией.

Литература

- Аркадьев 2007 — П. М. Аркадьев. Заметки к типологии перфектива // Ареальное и генетическое в структуре славянских языков. Материалы круглого стола. М., 2007. С. 17–30.
- Бенвенист 1995 — Э. Бенвенист. Словарь индоевропейских социальных терминов. М.: Прогресс-Универс, 1995.

- Дворецкий 2005 — И. Х. Дворецкий. Латинско-русский словарь. 9-е изд. М.: Русский язык, 2005.
- Анна Зализняк, Шмелев 2000 — Анна А. Зализняк, А. Д. Шмелёв. Введение в русскую аспектологию. М.: Языки русской культуры, 2000.
- Клобуков, Рыжих 198 — Е. В. Клобуков, Ю. М. Рыжих. К изучению продуктивных типов видовой соотносительности русских глаголов // М. Ю. Черткова (ред.). Типология вида: проблемы, поиски, решения. М.: Языки русской культуры, 1998. С. 182–192.
- Кронгауз 1998 — М. А. Кронгауз. Приставки и глаголы в русском языке: семантическая грамматика. М.: Школа «Языки русской культуры», 1998.
- Маслов 1963 — Ю. С. Маслов. Морфология глагольного вида в современном болгарском литературном языке. Л.: Изд-во Академии наук, 1963.
- Плунгян 2002 — В. А. Плунгян. О специфике выражения именных пространственных характеристик в глаголе: категория глагольной ориентации // Исследования по теории грамматики. Вып. 2: Грамматикализация пространственных значение в языках мира. М.: «Русские словари», 2002.
- Плунгян 2011 — В. А. Плунгян. Введение в грамматическую семантику. М.: РГГУ, 2011.
- Ровинская 2001 — М. М. Ровинская. К проблеме изучения префиксации в мертвых языках: эффект Вея-Схоневелда и латинские первербы // МЛЖ. 2001.
- Сафаревич 1962 — Я. Сафаревич. О выражении совершенности и несовершенности в латинском языке // Маслов Ю. С. Вопросы глагольного вида. М.: Издательство иностранной литературы, 1962. С. 323–334.
- Татовосов 2009 — С. Г. Татовосов. Множественная префиксация и анатомия русского глагола // Корпусные исследования по русской грамматике. М.: Пробел: 2009.
- Эрну 2004 — Э. Эрну. Историческая морфология латинского языка. М.: УРСС, 2004.
- Тронский 2001 — И. М. Тронский. Историческая грамматика латинского языка. М.: Индрик, 2001.
- Bertocci в печати — D. Bertocci. Tipi di preverbazione in latino: la funzionalità aspettuale. В печати.
- Bybee, Dahl 1989 — J. Bybee, Ö. Dahl. The creation of tense and aspect systems in the languages of the world // Studies in Language, 1989, 13.1, P. 51–103.
- Bybee et al. 194 — J. Bybee, R. Perkins, W. Pagliuca. The Evolution of Grammar: Tense, Aspect, and Modality in the Languages of the World. Chicago: The University of Chicago Press, 1994.
- Dahl 1985 — Ö. Dahl. Tense and Aspect Systems. Basil: Blackwell, 1985.

- Ernout, Thomas 1953 — A. Ernout, F. Thomas. *Syntaxe Latine*. 2-e ed. Paris: Klincksiek, 1953 (repr. 1972).
- García-Hernández 1985 — B. García-Hernández. Le système de l'aspect verbal en latin // *Syntaxe et latin: actes du IIe Congrès International de Linguistique Latine*, Aix-en-Provence, 28–31 Mars 1983. Aix-en-Provence: UAM, 1985. P. 515–534.
- García-Hernández 1989 — B. García-Hernández. Les préverbes latins. Notions latives et aspectuelles // M. Lavency & D. Longrée (éds.), *Actes du V Colloque de Linguistique Latine*. Louvain-la-Neuve: CILL, 1989. 15. P. 149–159.
- García-Hernández 1995 — B. García-Hernández. Polysémie et signifié fondamental du préverbe *sub-* // *Bulletin de la Société de Linguistique de Paris*, 1995, vol. 90. P. 301–312.
- García-Hernández 2005 — B. García-Hernández. L'antonymie aspectuelle des préverbes allatifs et ablatifs // C. Moussy (éd.), *La composition et la préverbation en latin*. Paris: Presses de l'Université Paris-Sorbonne, 2005. P. 229–241.
- Glare 1982 — P. G. W. Glare. *Oxford Latin Dictionary (OLD)*. Oxford: Clarendon Press, 1982.
- Haug 2005 — D. Haug. On a 'Hole' in the Latin Tense / Aspect-System // D. Haug, E. Welø (eds.). *Haptacahaptaitis: Festschrift for Fridrik Thordarson on the occasion of his 77th birthday*. Oslo: Novus Forlag, 2005. S. 105–118.
- Haverling 2000 — G. Haverling. On Sco-verbs, Prefixes and Semantic Functions: A study in the development of prefixed verbs from early to late Latin // *Studia graeca et Latina Gotheburgensia*. 2000.
- Hofmann, Szantyr 1964 — J. B. Hofmann, A. Szantyr. *Lateinische Syntax und Stilistik*. C. Beck'sche Verlagsbuchhandlung, 1964 (repr. 1972).
- Imbert 2008 — C. Imbert. *Dynamique des systèmes et motivations fonctionnelles dans l'encodage de la trajectoire. Description typologique du grec homérique et du vieil-anglais — thèse pour obtenir le grade de docteur de l'université en sciences du langage / Université Lumière Lyon 2*. 2008.
- Leumann 1975 — M. Leumann. Zu den Verwendungen des lateinischen Praeverbs *com-* // *Museum Helveticum* 1975, 32.
- Leumann 1977 — M. Leumann. *Lateinische Laut- und Formenlehre (= Lateinische Grammatik, Bd. 1)*. München: Beck, 1977.
- Pinkster 1990 — H. Pinkster. *Latin Syntax and Semantics*. London: Routledge, 1990.
- Schooneveld 1958 — C. H. van Schooneveld. The so-called 'preverbes vides' and neutralization // *Dutch contributions to the Forth International Congress of Slavistics*. 1958.

- Talmy 1985 — L. Talmy. Lexicalization patterns: semantic structure in lexical forms // Language typology and semantic description. Vol. 3: Grammatical categories and the lexicon / Ed. by T. Shopen. Cambridge University Press, 1985.
- Talmy 2000 — L. Talmy. Toward a cognitive semantics. Cambridge MA: MIT Press, 2000.
- Van Laer 2010 — S. Van Laer. La préverbatation en latin: étude des préverbes *ad-*, *in-*, *ob-* et *per-* dans la poésie républicaine et augustéenne. Bruxelles: Latomus, 2010.
- Vendler 1957 — Z. Vendler. Verbs and Times // The Philosophical Review 1957, 66, 2, P. 143–160.
- Vey 1952 — M. Vey. Les preverbes ‘vides’ en tchèque moderne // Revue des études slaves 1952.
- Vogt 1971 — H. Vogt. Grammaire de la langue Géorgienne. Oslo: Universitetsforlaget, 1971.